

на главного военного союзника в боевых действиях против большевиков себя не оправдала, и это в значительной степени предопределило исход Гражданской войны (с. 233–234).

Михаил Ходяков: Украинская стихия Гражданской войны

Среди значительного количества научных трудов по истории Великой российской революции и Гражданской войны новая книга А.С. Пученкова займёт особое место. Её автор – знаток не только архивных материалов, характеризующих неоднозначные процессы на просторах Юга России и Украины. Он также великолепно ориентируется в широчайшем спектре мемуарных свидетельств времён гетманщины и роста сепаратистских настроений на просторах Российской империи. В монографии ему удалось поставить важные научные проблемы и наметить пути их решения.

Между тем при всей «понятности» своего творческого замысла исследователь изначально оказался в сложном и противоречивом положении, когда заявил, что целью его работы является «реконструкция политической истории независимых Украины и Крыма» (с. 3). В действительности в полной степени абстрагироваться от экономических проблем того времени он, разумеется, не смог и был вынужден так или иначе характеризовать экономическую деятельность всех сменявших там друг друга правительств. Достаточно заметить, что успех переворота 29 апреля 1918 г. и вознесение на вершину власти генерала П.П. Скоропадского, произошедшее на съезде хлеборобов, в значительной степени были предопределены экономическими факторами. В первом же указе гетман объявлял о неприкосновенности недвижимой собственности и обещал восстановить порядок на Украине. При этом ясновельможный пан гетман официально признал, что возвращение к нормальной жизни на Украине невозможно без полной ориентации экономики края на Германию. Как отмечает Пученков, это в полной мере соответствовало главной задаче немцев – вывозу с оккупированной территории зерна, мяса, леса и даже чернозёма (с. 69).

Говоря о десятках тысяч офицеров русской армии, оказавшихся на Украине, автор указывает на их естественное стремление выжить и прокормить свои семьи. Поступавшие на службу или в резерв морского ведомства Украинской державы получали высокое жалованье: официальный представитель морского министра для связи с германским командованием в Крыму – 18 тыс. руб. в год и 6 тыс. руб. на представительские расходы, а минный офицер – 10 800 руб. (с. 72). Обратив внимание на этот факт непрямого подкупа русских офицеров, Пученков не уточняет, что собой в действительности представляли эти рубли: были ли это российские кредитные билеты («царские» или «николаевские»), карбованцы Центральной рады или же эмитированные чуть позже деньги Крымского краевого казначейства? Все они имели различную покупательную способность и не были тождественны «донским деньгам», выпускавшимся Ростовской экспедицией и использовавшимся в 1918 г. для обеспечения Добровольческой армии генерала А.И. Деникина.

В ряде случаев автор недостаточно критично относится к свидетельствам мемуаристов. Так, сообщая про рост «одесского сепаратизма», он в подтверждение своих слов приводит факт выпуска бумажных карбованцев «из оставшихся от петлюровцев клише для печатания ассигнаций» (с. 211). Между тем карбованцы – знаки Государственного казначейства – поступили в оборот ещё

в апреле 1918 г., т.е. изначально эмитировались Центральной радой. При Петлюре появились бумажные гривны, заказанные и изготовленные в Германии. Выпуск своих карбованцев Украинская директория наладила только с августа 1919 г.¹⁷

Пристальное внимание Пученкова на протяжении всей его книги к вопросам финансовой политики вполне оправдано: денежное обращение на Украине и Юге России в годы Гражданской войны отразило не только многообразие эмиссионных центров, но и остроту борьбы между сторонниками «Единой, великой и неделимой» страны и «самостийниками», стремившимися к широкой автономии или даже к отделению, введению собственной валюты и осуществлению самостоятельного политического и экономического курса.

Именно финансовый вопрос, по признанию А.И. Деникина, стал одной из наиболее серьёзных проблем, составлявших «огромный тормоз» для всех начинаний Юга. Кроме кредитных билетов Ростовской экспедиции в регионе тогда имели хождение деньги общегосударственного образца (царские и «керенки»), советские «пятакровки», украинские карбованцы и гривны, крымские, разменные денежные знаки, выпущенные городскими самоуправлениями и в разных местах Кавказа, гарантированные чеки Государственного банка, облигации старых займов; краткосрочные обязательства и т.д. – вплоть до векселей, учтённых финансовой комиссией, состоявшей при А.Г. Шкуро во время его партизанских действий против большевиков в районе Минеральных Вод в мае 1918 г. Такое положение дел казалось Деникину нелепым и требующим изменения. Однако генералу так и не удалось объединить финансовые системы на всей территории, контролируемой его войсками, унифицировать денежное обращение, воссоздать единый Государственный банк и единое эмиссионное право. Денежные ресурсы Деникина длительное время находились в полной и тягостной зависимости от Дона – добиться справедливого распределения эмиссии Ростовской экспедиции управление финансов не могло¹⁸. А ведь Особому совещанию при Главнокомандующем Вооружёнными силами на Юге России приходилось выделять ассигнования на содержание Добровольческой армии, ВСЮР, административного аппарата, на поддержку промышленности, транспорта, сельского хозяйства, культуры, образования и т.д.¹⁹

Пученков справедливо пишет, что резкий рост движения за независимость Украины пришёлся на годы Первой мировой войны и всячески поощрялся германским правительством. Результатом этого стало появление в 1914 г. «Союза освобождения Украины», объединявшего «самостийнички» элементы независимо от партийных взглядов и представлявшего национально-политические и экономические интересы украинцев в России. Провозгласив своей основной целью «державную самостийность Украины», Союз рассчитывал добиться её в случае поражения России в войне и развивал в этом направлении соответствующую деятельность²⁰. Это вполне совпадало с интересами Германии. Немцы

¹⁷ Национальные бумажные деньги Украины. 1918–1920. Донецк, 1992. С. 18–57.

¹⁸ Деникин А.И. Очерки русской смуты: Вооружённые силы Юга России. Распад Российской империи. Октябрь 1918 г. – январь 1919. Минск, 2002. С. 415.

¹⁹ См.: Журналы заседаний Особого совещания при главнокомандующем Вооружёнными силами на Юге России А.И. Деникине. Сентябрь 1918-го – декабрь 1919 года / Под ред. С.В. Мироненко; отв. ред. и сост. Б.Ф. Додонов, сост. В.М. Осин, Л.И. Петрушева, Е.Г. Прокофьева, В.М. Хрусталёв. М., 2008.

²⁰ Записка об украинском движении за 1914–1916 годы с кратким очерком истории этого движения как сепаратистско-революционного течения среди населения Малороссии // «Украин-

и австрийцы активно вмешивались в общественную жизнь прифронтовых губерний, оплачивали проведение конференций и распространение публикаций ряда антироссийски настроенных групп²¹. После успешного наступления русских армий в Галиции лидеры основных украинских партий переехали в Вену, а также организовали свой филиал в Берлине. При этом они пользовались не только политической, но и финансовой поддержкой Германии и Австрии²², и поощрялись к сепаратистским действиям, которые в случае успеха должны были расширить «жизненное пространство» Германии.

Свержение самодержавия подтолкнуло интеллектуалов-националистов к выработке своих политических программ. Как правило, их содержание противоречило курсу Временного правительства, отстаивавшего сохранение единства государства в условиях продолжавшейся войны. Весной 1917 г. один из лидеров кадетов Ф.Ф. Кокоскин с тревогой наблюдал за популярностью «среди известных кругов» лозунга «национально-территориальной автономии»²³. Рассуждая о «территориальной децентрализации» и «культурном самоопределении национальностей», он думал прежде всего об украинском сепаратизме, который приобрёл тогда особую остроту. Именно поэтому Кокоскин настаивал на том, что «децентрализация не может служить исключительно только цели национального самоопределения». Он предвидел, что федеративное государство, построенное на принципах национального обособления, столкнётся «с непреодолимыми затруднениями», связанными с определением той компетенции, которая должна принадлежать составным частям федерации. В случае, если Россия встанет на этот путь, компетенция центральной власти, по мнению Кокоскина, окажется «сведённой почти к нулю», а решение масштабных политических задач отойдёт «крупным автономным телам» и важнейшие функции государственной власти будут осуществляться «обособленно от центра». В то же время различные регионы страны будут разделены внутренними границами, за которыми начинается «совсем другой уклад жизни, совсем другое правовое устройство, совсем другие социально-политические задачи»²⁴. Таким образом, федеративная Россия будет существовать в условиях постоянных «международных споров», которые могут дойти «до самой острой формы», вплоть до вооружённого столкновения...

Пученков абсолютно прав, когда пишет, что в первой половине 1917 г. политические лидеры Украины отделяться от России не спешили. В начале мая 1917 г. в Педагогическом музее Киева открылся I Всеукраинский войсковой съезд. Несмотря на прозвучавшие требования признать Центральную раду «единственным компетентным органом, призванным решать все вопросы, касающиеся целой Украины и её отношения к Временному правительству», общая тональность съезда была весьма умеренной. «Мы ни на минуту не должны забывать, что мы – часть державного целого, – напоминал в своей речи

ская» болезнь русской нации. М., 2004. С. 112.

²¹ Известно также, что в годы Первой мировой войны Германия финансировала ряд левых партий России, способствуя активизации их подрывной деятельности. О каналах получения и использовании немецких денег см.: *Соболев Г.Л.* Тайный союзник. Русская революция и Германия. 1914–1918. СПб., 2009.

²² *Хаген М., фон.* Великая война и искусственное усиление этнического самосознания в Российской империи // Россия и Первая мировая война (Материалы международного научного colloquium). СПб., 1999. С. 387–390.

²³ *Кокоскин Ф.Ф.* Автономия и федерация. Пг., 1917. С. 3, 5.

²⁴ Там же. С. 9.

С.В. Петлюра, избранный председателем съезда. – Двух мнений быть не может. Надо помнить, что если завтра приключится несчастье с Россией, наш украинский народ опять попадёт в национальное рабство». Настроение делегатов не смогла коренным образом изменить даже страстная речь видного украинского деятеля Т. Старуха, который говорил о «деспотичном российском правительстве» и призывал отстаивать идею независимости Украины²⁵. Проповедуя «национальное возрождение», съезд тем не менее принял постановление, согласно которому деньги «для удовлетворения национальных нужд украинского народа» должны были поступать в распоряжение Центральной рады из средств российского государственного казначейства²⁶.

Однако уже в конце мая 1917 г. направленность этого курса стала очевидной. Центральная рада предъявила Временному правительству ряд требований, предусматривавших широкую автономию Украины, правда, всё ещё в составе России. И здесь политические амбиции тесно переплетались с проблемами экономического характера. На Всеукраинском сельском съезде, открывшемся 28 мая в Киеве, М.С. Грушевский, обращаясь к делегатам, заявил: «Мы пойдём вместе с вами, чтобы сообща добыть автономию и решить экономические вопросы так, как того требуют интересы трудового украинского народа»²⁷. Патетические выступления крайних националистов, например, представителя «Союза украинской державы» Павелко, сокрушавшихся о «столетиях гонений», утверждавших, что «московский народ хочет остаться хозяином на нашей земле, желает продолжать “пановать”, а нам предоставляет положение раба», и требовавших провозглашения «самостоятельной украинской республики», съезд не поддержал, высказавшись за необходимость отстаивания «только территориальной автономии»²⁸.

Очевидно, недоверие к Временному правительству со стороны Рады и национал-патриотов нарастало, а экономические трудности использовались ими для того, чтобы явочным порядком при номинально существующей, но ослабевающей с каждым днём центральной власти решить вопрос о национальном самоопределении Украины.

В условиях политической нестабильности и слабости центральной власти стали возможны трагические события в Крыму, где в конце февраля 1918 г. вооружённая толпа пьяных матросов устроила офицерам Черноморского флота «Еремеевскую ночь». Пученков считает, что массовые расстрелы офицеров в Севастополе произошли «при попустительстве большевистских властей» и деятельном участии главного комиссара Черноморского флота В.В. Роменца. При этом автор согласен с тем, что бойня в Крыму стала репетицией красного террора (с. 127). Разумеется, контрибуция (10 млн руб.), установленная декретом Ревкома и не внесённая «севастопольской буржуазией», не могла стать главной причиной массовых расправ. Гораздо более важным обстоятельством, подхлестнувшим волну «упорядоченных расстрелов» 1918 г., было общее обострение военного и политического положения: в условиях разгоравшейся Гражданской войны флот, без сомнения, являлся серьёзной политической силой, которая при определённом стечении обстоятельств могла диктовать условия

²⁵ Киевлянин. 1917. 6 мая, 9 мая.

²⁶ Там же. 10 мая.

²⁷ Там же. 30 мая.

²⁸ Там же. 31 мая.

любому правительству²⁹. А подозрения в неполной лояльности режиму обернулись в итоге «куражом моряцкой вседозволенности».

Монография А.С. Пученкова, увидевшая свет в разгар драматических событий на Украине и в Крыму, обречена на успех. Интерес читателей к ней будет только возрастать.

Илья Ратьковский: Опыт создания государственности на оккупированной территории

Освещённый в монографии А.С. Пученкова начальный период Гражданской войны на Украине и в Крыму – от восстания рабочих киевского завода «Арсенал» и захвата Киева красногвардейскими отрядами Муравьёва в январе 1918 г. до краха французской интервенции весной 1919 г. – изучен пока ещё недостаточно. Под Украиной и Крымом автором понимаются «территории, занимаемые этими государствами на момент провозглашения ими государственной независимости и фактического отделения их от России» (с. 4). В этом контексте не вполне ясно, следует ли, например, относить Донецко-Криворожскую республику к тогдашней украинской государственности, учитывая что её территория позднее вошла в зону германской оккупации, и, следовательно, политического влияния Центральной рады, а затем режима Скоропадского³⁰. Вместе с тем уже 9 мая 1918 г. гетман Скоропадский написал германскому послу в Киеве А. Мумму письмо с просьбой передать Крым Украине. Основанием для подобной претензии считалось то, что запланированное создание татарского государства не может быть этнографически оправдано, поскольку татары составляют не более 14% населения полуострова. Неделий позже возможность присоединения Крыма обсуждалась на особом заседании в МИД Украины. Претендовали в Киеве и на сопредельные донские земли, а также на другие русские регионы, что осложняло отношения гетмана с П.Н. Красновым. При этом учитывалось не столько проживание там «украиноязычного населения», сколько наличие экономической или политической целесообразности. Между тем сами «украинские территории», как отмечает вслед за А. Грациози Пученков, отнюдь не являлись мононациональными. Русский город здесь соседствовал с украинским селом, ощущалось противостояние как города и деревни, так и запада и востока страны³¹.

Несколько иначе развивались события в Крыму. 18 мая 1918 г. Курултай, контролируемый немецкими оккупационными войсками, образовал крымско-татарское правительство во главе с Дж. Сейдаметом. В апреле 1918 г. в Турции Энвер-паша рекомендовал ему занять всю Таврическую губ. Данное предложение тогда показалось Сейдамету привлекательным с военной точки зрения, но неосуществимым. «На севере Крыма нельзя было найти даже 5% мусуль-

²⁹ См.: *Ратьковский И.С.* Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 году. СПб., 2006.

³⁰ На данный момент можно отметить лишь единичные исследования этого государственно-го образования: *Ревежук В.Я.* Донецко-Криворізька Республіка. Дис. ... канд. іст. наук. Харків, *Поплавський О.* Донецько-Криворізька Радянська Республіка: історично-політичний аспект. Дис. ... канд. іст. наук. Дніпропетровськ, 2010; *Корнилов В.В.* Донецко-Криворізька Радянська Республіка: Расстрелянная мечта. Харьков, 2011.

³¹ *Грациози А.* Большевики и крестьяне на Украине, 1918–1919 годы: Очерк о большевизмах, национал-социализмах и крестьянских движениях. М., 1997.